

Бегом от ... Чехова

Открытое письмо режиссеру

**Г. Абаджан, член правления и секции критиков
Ростовской организации Союза театральных деятелей РСФСР**

Уважаемый Александр Григорьевич Урбанович!

Признаюсь, в моей практике это первый случай обращения к режиссеру через газету. Поверьте, это не охватившая многих страсть к использованию печатных изданий для личной переписки. Да и отделить в наши дни личное от общественного практически невозможно, даже в яростном столкновении мнений о сталинизме, преступности, о кооператорах или Прибалтике. Все стороны баррикад выкладывают не только значительное количество нервных клеток, но и свою бессмертную, а, потому единственную душу. Для меня же в основе — отсутствие подлинных свободы и культуры в каждом.

А для пятидесятилетних, выросших на Дону, понятие культуры неразрывно связано с театром Таганрога. В первую очередь с поставленными им пьесами Чехова.

Естественно, мы слыхом не слыхали о бездейственности Чеховских пьес, о режиссерских трактовках и новаторски распахнутом занавесе, но боль жизни не очень счастливых чеховских персонажей вызвала наши слезы, особенно судьбы Треплева и Заречной. И только происками давящей царской цензур объясняли мы жанр «Чайки» как комедию. И вот «Чайка», через 90 лет после мхатовского триумфа, накануне 130-летия со дня рождения Чехова, вновь поставлена в Таганроге.

Счастлив тот театр, в нетопленном помещении которого собирается сегодня полный зал «на Чехова». Значит, стремление к действительно прекрасному вытравить пока никому не удалось. Да и мы со старейшим и ведущим критиком Дона Л. Г. Браиловским мчались из Ростова «на перекладных» ради этой встречи. Только вот поддаться искушению и уйти в антракте вместе со многими не могли. Не холодом возмущались зрители — увиденным на сцене.

И этих действительных театралов от 40 лет администрация не скоро вновь заманит на очередную экзекуцию. А ведь финансовые дела театра могли бы быть хуже, да некуда.

Как всегда, ваш спектакль, располагает к себе с первых секунд. Летняя комната — веранда (художник заслуженный работник культуры РСФСР Н. Ливада) весьма удачно вписалась в интерьер зрительного зала. Ее плещущие на ветру белые занавеси, как и музыкальное оформление В. Циркова, сыграли значительную роль в эмоциональном настрое зрителей.

«Ради человека и ради спасения...». Как близко духу Чехова это песнопение. А тут еще будоражащий взгляд Кости Треплева (И. Подымахин). Босой, юродствующий мальчишка в холщевой одежде, с такой узнаваемой сегодня косичкой, пытливо и тревожно смотрит вдаль. Со свечою в руке он, словно новый Диоген, ищет человека в мире лжи, фальши, лицемерия. Какой иронией пронизан его монолог о театре! Но что за ним? Еще одна полная неожиданность: запускающие воздушного змея юные Маша и Медведенко. Красивая, чувственная, в экстравагантных черных одеждах молодая женщина источает счастье любящего и любимой.

И только по внезапно остановившемуся взгляду понимаешь несовпадение этих величин. Как не совпадает искренность поведения дебютировавшей в Таганроге Т. Савиных с подчеркнутой демонстрацией А. Кузнецовым сексуальной озабоченности сельского учителя.

Пожалуй, на этом еще фактически не начавшийся Чехов закончился. Ибо вы отказали Чехову в том, что является сердцевиной его творчества — «Скрытые драмы и трагедии в ка-

ждой фигуре пьесы», — так писал автору о «Чайке» Немирович-Данченко, добавляя: «При умелой, небанальной, добросовестной постановке захватят и театральную залу...».

Разумеется, добросовестность подразумевалась творческой. Эпиграф вашего спектакля -- суть чеховская: «Надо изображать жизнь... как она представляется, в мечтах». Чьих? В вашем решении «Чайка» — Константин Треплев. Всех окружающих, все события мы видим, как бы его глазами. Но если для «сильно любящего мать» Треплева Чехова Аркадина «бесспорно талантлива, умна, противоречива», а Тригорин — «человек умный, простой, очень порядочный», если он сердцем воспринимает трагизм несбывшихся мечтаний Маши, Сорина, Полины, Дорна, то ваш, являясь лишь функцией сверхперенасыщенного режиссерского контрапункта, видит таковыми же и остальных.

Перекатывающийся в истоме по поду в момент рассуждений о литературе, отмеченный франтовато-приказчичьими усами Тригорин, мартовски шаловливый, самовлюбленный Дорн, так и провеселившаяся Маша (фактически исчезнувшая из спектакля Аркадина)...

Да и стоило самому Треплеву заговорить, как народная мудрость «молчание — золото» поколебала литературную «глаза — зеркало души». А чеховская «Чайка» — Заречная, что стало с ней? Неужели эта крикливо-резвящаяся, лишенная духовного начала девица могла увлечь двух одаренных литературным даром, столь разных людей?|

Впрочем, вашего Тригорина — вполне!

Но тогда, при всей нелогичности самого приема, почему в финале Нина из живого существа превращается в символ Треплева?

Такие «почему?» можно было бы задавать бесконечно. А. П. Чехов сыграл злую шутку с земляками, прямолинейно воспринявшими «вру против условий сцены» и «мало действия».

А может, хватит «взбадривать», самых различных драматургов? Может, пора отказаться от клишированных приемов, приводящих к спектаклям-близнецам, к вынужденной повторяемости актеров, к сусальной пошлости финала «Чайки»?

Прошу прощения у моего любимого театра, но более чем тридцатилетний стаж поклонника может служить оправданием нескольких бестактных вопросов:

1. Почему распределение ролей в самых различных пьесах замыкается на одних и тех же, молодых, на, разумеется, удивительно талантливых от природы актерах?
2. Сможем ли мы, зрители, увидеть в достойных ролях Воробьеву, Тузову, Феденко, Лаппо и других, вероятно, не умеющих, на сцене обнажаться, бегать со спущенными штанами, бессмысленно взвизгивать и т. д.?
3. Не странно ли, что ведущие мастера театра ничего не в состоянии сказать о его планах на правлении ростовской организации Союза театральных деятелей?
4. Главное! Что же будет дальше с театром имени Антона Павловича Чехова городе Чехова?